

Иван РОДИОНОВ

Литературный критик, редактор. Родился в 1986 году в г. Котове Волгоградской области. Преподаёт русский язык и литературу.

Публиковался в журналах «Новый мир», «Наш современник», «Звезда», «Нижний Новгород», «Юность», в «Литературной газете» и ещё в двух десятках СМИ. Автор книг «Чётчик. Путеводитель по литературе для продолжающих» и «На дно, к звёздам. Заметки об отечественной литературе 2019–2021 годов». Член Литературной академии премии «Большая книга». В разные годы – член жюри премий «Национальный бестселлер», «Лицей», «Ясная Поляна» (рабочая группа), «Болдинская осень», им. В. Катаева. Лауреат премий «Литблог» за лучший книжный блог года (2021), «Чистая книга» им. Ф. Абрамова (2024) и других.

Живёт в г. Камышине Волгоградской области.

СЛЕДИ ЗА ШЕРШНЯМИ

Андрей Ломовцев «Свет мой, зеркало, скажи...» Издательство «Перископ-Волга», 2024

Отечественный магический реализм, поизносившись в девяностые-нулевые на столичных окраинах, в городских промзонах и спальных районах, оказался перед развилкой. Направо пойдёшь – в социалку попадешь, возможно, с фемуклоном. Да магическим пессимизмом пропитаешься в облупившихся панельках с домовыми и беременными школьницами. А налево пойдёшь – на региональных просторах очутишься. Там, где магреализм образует симбиоз с этнофэнтези. Особенно удачно, если действие подобных книг происходит в какой-нибудь национальной республике – в таковых водится своя мифология, свои причудливые народные обычаи, древние боги-духи-сущности с таинственно звучащими именами. А где-то рядом таится уже не социалочка, но хоррор.

Собственно, роман Андрея Ломовцева «Свет мой, зеркало...» ближе ко второму повороту, нежели к первому. Хотя и с оговорками.

Итак, у главной героини, Катерины, есть бабушка-ведунья по имени Меликки. Она передаёт внучке свой потомственный ведьминский дар и зеркало, в котором можно видеть будущее. Меликки живет двести лет, застала Первую мировую и даже Отечественную войну 1812 года. Ещё у нее есть собственный ручной волк (точнее, не совсем волк), а на выручку в сложной ситуации готовы прилететь шершни – или, иначе, пташки Хийси, соратники лесного духа финской мифологии. Все это добро переходит в наследство Катерине, становящейся, как она сама отмечает, «координатором судеб». Также в романе наличествуют карельские заговоры, одержимый злом антагонист, а также великая сила и, как водится, великая ответственность.

Но этнофэнтези – лишь один слой романа, часто играющий роль лора, сеттинга. Есть и ещё как минимум два. За динамику, развитие и отчасти

эксшн отвечает линия Катерины и ее экс-жениха по имени Кирилл. Дело в том, что он вампир. Вроде как энергетический – питается не кровушкой, а жизненными силами своей возлюбленной. И, лишившись после расставания столь мощного источника жизни, начинает лютовать. С другой стороны, очень велик соблазн прочесть Кириллово вампирство как метафору психологической тирании. Он манипулятор, сталкер, абьюзер, причём очень выпукло выписанный, как по учебнику. То есть, натурально, сущая нечисть, а уж какой природы-племени – непринципиально.

Наконец, есть в романе ещё один слой. История взаимоотношений главной героини и трех её подруг – Мары, Жанны и Нади. Сюжетный маховик текста и начинает раскручиваться, когда женщины видят в зеркале новообращенной ведуньи-Катерины варианты своей судьбы. Драматической, трагической, счастливой. Так в романе возникают вопросы о свободе воли и ответственности за знание. Нужно ли тебе увиденное в зеркале будущее? Этично ли рассказывать про него? Всё предопределено – или что-то можно изменить?

Четыре подруги здесь предельно непохожи – и друг друга же прекрасно дополняют. Почти как четыре стихии. Или, извините, как феи Винкс. Очень уж разные – и по предыстории, и по характеру. И у каждой в анамнезе есть собственные изломы, по-своему логично приводящие их к тому, что они видят в зеркале. У одной – властная и подавляющая волю мать, от которой у девушки все же хватает сил, как сейчас говорят, сепарироваться. У другой – чрезмерная страсть к контролю, риску и авантюрам. Третья слишком уверовала в стабильность и течение, которое принесет, куда надо, – что подсознательно ведет ее к саморазрушению. Разве что характер самой Катерины, как это зачастую и полагается главному герою, не такой яркий и выпуклый. Но у неё есть смягчающие обстоятельства – во-первых, она проводник, медиум, а во-вторых, романский протагонист.

Пожалуй, именно третий слой книги оставляет у читателя чувство некоторой недосказанности. С одной стороны, Жанна, Надежда, Мара – точно не статисты, нам сообщаются убедительные детали их биографий и характеров, им посвящены отдельные главы. А с другой – этого все-таки маловато. Ежели уж вводить столь значимых персонажей и раскрывать их, то и историй, с ними связанных, можно рассказать больше, и судьбы двух из них отчетливее закруглить. Впрочем, если у книги будет продолжение (например, с новыми вызовами для ведьмы-Катерины), то там всё это можно и доиграть.

Написан роман лаконичным литературным языком – не бедным и упрощённым, не вычурным и перегруженным, а таким, каким надо рассказывать жанровые истории. Авторской прямой речи почти нет, ни рассказчик, ни герои не рассуждают о вечных материях, что здесь тоже совершенно к месту. Много деталей, потому это не притча. Притчи бесплотны, а здесь – ворох реалий из разных времен: Великая Отечественная, девяностые, нулевые. Есть и отсылки к современности.

Наконец, «Свет мой, зеркало...», несмотря на эпизоды с бандитами, оторванными головами и прочим, отчего-то кажется очень уютным текстом. И эскапистским. Как книги того же Виктора Дашкевича, столь полюбившиеся нашему читателю в последние пару лет. Такая литература не играет в многоумие, не претендует на разрешение проклятых вопросов бытия. А берет читателя за руку, ведёт за собой. И уводит. Пойдём, говорит, будет интересно.